

«ОН ПРОСТО ЖИЛ РЯДОМ...»

В ГОД 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА КАЖДОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВЕЛИКОМ ПИСАТЕЛЕ И ЕГО СЕМЬЕ ПРИОБРЕТАЕТ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

Владимир Владимирович Книппер родился через двадцать лет после смерти Чехова, в семье брата Ольги Леонардовны - оперного певца и режиссера Владимира Леонардовича Книппера-Нардова. Подростком потеряв мать, а вскоре и отца, Владимир Книппер-младший остался на попечении Ольги Леонардовны.

Владимир Владимирович удивительно рано ощутил всю власть «чеховских» обстоятельств. Хотя, на первый взгляд, что могло быть общего между классиком русской литературы и трудным подростком 1930-х годов, прошедшим потом фронт со всей его окопной грязью, подвину в послевоенных редакциях, скитания по Арктике...

Но общее случилось не в биографии и даже не в литературе, а в душе - в ее выстраивании напорок сыплющимся ударам, в бесконечном переписывании себя на белом.

Немного о том, что привело меня к Владимиру Владимировичу Книпперу. Весной 1994 года я приехал в ялтинский дом-музей А.П. Чехова по приглашению его главного хранителя Юрия Николаевича Скобелева, и провел там несколько счастливейших дней. Провожая меня в Москву, Юрий Николаевич поручил мне нанести визит племяннику Ольги Леонардовны и передать ему свежий сборник чеховских чтений.

Вернувшись в Москву, я позвонил Владимиру Владимировичу. Оказалось, что он живет недалеко от редакции.

Владимир Владимирович принял меня так сердечно, будто я привез из Ялты не брошюру, а что-то очень важное, какую-то добрую новость, о которой он раньше не слышал. Но вести о меня были самые обычные для того времени и очень грустные: дом-музей Чехова после распада СССР оказался брошен и российскими, и украинскими властями. Сотрудники музея месяцами не получили зарплат, сидели буквально на хлебе и воде. (Спустя несколько лет, бесконечно переживая за вверенный ему дом, Юрий Скобелев скончался от разрыва сердца).

Владимир Владимирович грустно помешивал в чашке давно остывшее кофе, за незадернутым окном синел кусочек вечернего московского неба...

Рассказывает Владимир Владимирович Книппер (осень 1994 года):

...Моя родина - Арбат, Новодевичье, Кисловские переулки... Без них я был умер, наверное. Я родился в роддоме на углу Калошина переулка. Оттуда меня с мамой увезли на Большую Молчановку рядом с Собачьей площадкой. Вскоре я перекочевал в бельевой корзине - коляски не нашлось - в дом папы. Это на углу Малого и Нижнего Кисловских переулков, он до сих пор стоит. Сейчас это Собиновский переулок восемь дробь два. Недавно я приходил туда. Поклонился и помолвился тем стенам, где была наша спальня, где отец, мать, тетя Оля сидели в большой гостиной... Поклонился их душам и ушел.

- В детстве вас, наверное, учили музыке, пению?

- Пытались, но ничего не вышло. Я был страшно непоседлив. Меня сплывали в хореографическое училище, но я и там не ужился - носился по этажам, ломал мебель. Даже для балета я оказался слишком неугомонный.

- Так что характером вы в маму, наверное?

- Да, она меня носила, когда пела Недду в «Паяцах», поэтому Леонавалло у меня в крови. Когда мамы не стало, мне было тринадцать лет. И вот в таком трудном возрасте я оказался на попечении тети Оли. Отец был занят. У тети Оли я часто ночевал, кормился, оттуда ходил в школу... Когда мы оставались одни, тетя Оля читала мне «Каштанку».

- Имя Чехова в доме часто звучало?

- Если сказать, что «да, часто» - это будет неправдой. Сказать, что редко - тоже не то... Чехов был в атмосфере дома. И это была неутихающая боль для тети Оли. Помните: когда Бунин читал ей первый вариант своих воспоминаний о Чехове, она потеряла сознание.

Тетя Оля не говорила об Антоне Павловиче просто так. Только когда сама жизнь, поступки, обстоятельства делали естественным воспоминание о нем.

А какое отношение было к

Их любовь была изначально обречена.

Ольге Леонардовне в актерской среде?

- Святое. Я сейчас говорю о втором поколении МХАТа. Тетя Оля была мерой культуры, интеллигентности. Потрясающая внутренняя свобода. К тому же, с ней было интересно. Она была устроена широко: знала основы рисования, музыку, историю, литературу, два языка. В семье, где она росла, были дни, когда говорили только по-немецки или только по-французски.

- А у вас как с немецким?

- Слабо. Я уже стопроцентно русский. Но вот один пример отношения к тете Оле. Как-то в конце сороковых годов я провожал тетю Олю после концерта в Колонном зале, и нам навстречу попались Василий Александрович Орлов и Петр Чернов, тогда еще довольно молодой актер. Они поклонились и сняли шапки. Был достаточно крепкий мороз, а они так и говорили с тетей Олей без шапок. Это меня поразило.

- В этом снимании шапок был пиитет, уважение к возрасту и заслугам?

- Да нет, не об этом речь. Она была доброносна, понимаете? Это не мое мнение, а мнение всех, кто с ней общался. Сколько она людям сделала добра - это одному Богу известно. Помню: еще до войны, в Гурзуфе, если Мария Павловна или тетя Оля слышали, что у человека какая-то просьба или беда, они сами выходили, усаживали его, наливали чай, если нуждался - денег давали. Если какая-то серьезная история, то записывали адрес, и перепоручали потом дело Москвину, который стал депутатом Верховного Совета. Или обращались в дирекцию театра, чтобы именем театра помочь такому-то человеку.

- А как день рождения Ольги Леонардовны отмечался?

- Обычно приходила литературовед Елизавета Николаевна Коншина, ближайшая приятельница Софья Ивановна Бакланова, Сережа Чехов со своей милой супругой Валентиной Яковлевной, Николай Владимирович Волков... Обязательно был Володя Дмитриев, главный художник МХАТа. Потом большой круг актеров...

Нет, я не мастер рассказывать. До неутомимого Виталия Вульфа мне далеко. Кстати, он недавно рассказывал о том, как в Америке его попросили прочитать специальную лекцию о Книппер-Чеховой. Он не ожидал, что столько придет людей. Пришли актеры, и известные, и молодые, и он им говорил, что Книппер-Чехова была идеальной чеховской актрисой.

Она же переиграла все чеховские пьесы. В ней есть добрая порция и Нины Заречной, и Аркадиной, и Раневской, и Маши Прозоровой, конечно. А главное - нота, интонация Нины Заречной: нести свой крест...

- С терпением...

- Да, терпение - это и чеховская тема, и тетя Оля, ее жизни, ее мироощущения. Кто-то думает, что жизнь актрисы это сплошные танцы, посиделки до утра. А жизнь у нее была очень тяжелая.

Почитайте письма Антона Павловича к тете Оле. Он же объяснялся как Ромео, как взрослый Ромео, я не боюсь этого сравне-

ния. Почитайте письма, почувствуйте горький привкус этой любви. Ведь эта любовь была изначально обречена. И Ольга Леонардовна знала, что Чехов болен, и сам он, как врач, все понимал. Станиславский выразил суть этого запоздалого союза в письме, присланном тете Оле после смерти Чехова. Он писал, что «благодаря вам Чехов пробыл меж нами еще несколько лет, он, который так нуждался в красоте...»

- Вы часто тетю огорчали?

- Но я же говорил вам: у меня очень сложный, трудный характер. Я ранил тетю Олю такими фразами... Однажды брякнул: «А ты сама-то любила?..» Это было лето сорок первого года, когда эвакуировался Художественный театр и его стариков, актеров, «золотой фонд», увозили. Тетя Оля пришла проститься с отцом и сказала, что похлопочет, чтобы и мне разрешили уехать с отцом. Отец вздохнул: «Конечно, лучше уехать, но мой сын не поедет, и ты знаешь почему...»

- А мне было шестнадцать лет, и у меня была первая любовь?

- И вы остались в Москве?

- И отец остался. Я присматривал за квартирой тети Оли, спасал Брома Исаича и Хину Марковну.

- Те самые таксы?

- Ну не те, конечно, что при Чехове, но с такими же именами. Был такой выводок: Мейерхольд взял одну, мы взяли мальчишка Тапи, а Брома и Хину забрала тетя Оля. И вот я спасал их от блох, керосином протирал, ходил по столовым, брал объедки в бидон, таскал им на Гоголевский бульвар. Но лай псов там не смолкал, они все равно голодали. Первым умер Бром, и я похоронил его на том же бульваре. А Хинка еще пожила... А потом я ушел на фронт. Минометчиком, на Калининский фронт.

Отец умер через месяц после моего ухода на фронт. С войны я вернулся в пустую квартиру. После работы я приходил домой и оказывался среди теней. У меня после контузии болела голова, глаза, я был не в порядке. Однажды я разрядил ТТ в дверь спальни комнаты. Вот сейчас на старости лет заикаюсь - видимо, оттуда ниточка тянется, с войны.

Мы все были контуженные. Есть какой-то фильм известный, где с войны приходят такие красивые, благополучные ребята, будто они не убивали, не проливали кровь... Я бежал с экзамена в ГИТИСе, не выдержав вида благообразных чистеньких мальчиков и девочек, только закончивших школу.

- А что было после ГИТИСа?

- Я подрабатывал в газетах - то в «Литературке», то в «Труде», то в «Комсомолке» на побегушках, потом двадцать лет в одной морской газете. Пропахал весь Таймыр и Ямал в поисках экспедиции Русанова, всю Арктику вдоль и поперек. Морзяки меня иногда даже радиогаммами вызывали, чтобы я разобрался, заступился...

В 1996-м, в какой-то праздник, я позвонил Владимиру Владимировичу Книпперу. Женский голос ответил, что я опоздал с поздравлениями.

Дмитрий ШЕВАРОВ.

КСТАТИ

Полностью беседу Д. Шеварова с В. Книппером можно будет прочитать в «чеховском» номере журнала «Дружба народов» (№1 за 2010 год).

И Светский вразумил. - 2010. - 27 янв.